

УДК 332.1

DOI: 10.18413/2409-1634-2017-3-1-47-53

Стрябкова Е. А.

СНИЖЕНИЕ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНОЙ УЯЗВИМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА КАК НОВЫЙ ЭФФЕКТ КЛАСТЕРИЗАЦИИ

ФБГОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова», ул. Костюкова, 46, Белгород, 308032, Россия, stryabkova.elena@mail.ru

Аннотация

В статье обосновано наличие нового эффекта кластеризации региона, характеризующегося снижением уровня социальной уязвимости и позволяющего повысить уровень конкурентоспособности региона. Доказано, что для регионов с высоким уровнем кластеризации дальнейшее развитие кластеров приводит к росту уровня благосостояния в регионе. Сделаны выводы о том, что уровень кластерного развития российских регионов не позволяет еще снизить уровень социальной уязвимости их жителей.

Ключевые слова: кластер; эффект кластеризации региона; социальная уязвимость.

Elena A. Stryabkova

THE DECREASE IN THE LEVEL OF SOCIAL VULNERABILITY OF THE POPULATION OF THE REGION AS A NEW EFFECT OF CLUSTERING

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, 46 Kostyukov St., Belgorod, 308032, Russia, stryabkova.elena@mail.ru

Abstract

The article substantiates the existence of a new effect of clustering of the region, characterized by a decrease in the level of social vulnerability and allowing to increase the level of competitiveness of the region. It is proved that for regions with a high level of clustering further development of clusters leads to higher welfare in the region. It is concluded that the level of cluster development in Russian regions does not yet reduce the social vulnerability of their inhabitants.

Keywords: cluster; effect the clustering of the region; social vulnerability.

Введение

Большое значение для понимания роли неравномерного экономического развития имеет Доклад ПРООН о человеческом развитии за 2014 год, который посвящен признанию роли уменьшения уязвимости в обеспечении устойчивого прогресса человечества. В Докладе доказано, что глобализация приносит выгоды и обостряет проблемы, выражающиеся во внутривосточных и межвосточных диспропорциях и росте уязвимости. Под уязвимостью авторы доклада ПРООН понимают подверженность людей определенным видам риска. Отмечается, что виды уязвимости эволюционируют, они связаны с гендерной или этнической принадлежностью, регионом проживания, этапом жизненного цикла индивида. С одной стороны, более 40 развивающихся стран достигли большего прироста ИРЧП, чем ожидали в 1990 году, с другой 2,2 млрд. человек живут в условиях многомерной бедности, 80 % населения мира не имеют всеобъемлющей социальной защиты. Растут диспропорции в доходе,

неравенство в образовании. Ограниченный потенциал социально уязвимых людей (инвалиды, женщины, молодежь, дети, пожилые люди, незанятые, жители депрессивных регионов) приводит к уменьшению возможностей их выбора, что не позволяет им эффективно противостоять различным угрозам (экономическим потрясениям, стихийным бедствиям, конфликтам). В Докладе отмечается, что на благополучие населения оказывает влияние уровень свобод в обществе, экономическое неравенство ведет к политическому неравенству, когда правительство не использует системы социальной защиты, способной защитить всех членов общества. По мнению Д. Стиглица, неравенство является не только моральной проблемой, «неравенство... – фундаментальная экономическая проблема, неразрывно связанная с человеческим развитием и имеющая особое отношение ко всякому анализу уязвимости» [1].

Можно заключить, что развитие теории и методологии снижения уровня социальной уязвимости населения является актуальным

направлением экономической науки. Основанные на нем практические выводы и рекомендации позволяют сократить неравенство в развитии российских регионов и снизить уровень социальной уязвимости их жителей.

Следует отметить, что проблема измерения влияния кластерной политики региона на уровень неравенства и социальной уязвимости населения региона является практически не исследованной. На наш взгляд, имеет смысл ввести категорию «новый эффект кластеризации», трактуя ее как возможность снижения уровня социальной уязвимости населения региона за счет успешной кластерной политики. Использование новых индикаторов оценки эффекта кластеризации региона (доля населения региона, подверженного риску бедности и социальной изоляции), позволит обеспечить повышение результативности кластерных проектов, реализуемых в различных регионах РФ.

Материалы и методы исследования

В современных работах по вопросам кластеризации экономики рассматриваются в основном следующие типы экстерналий.

1. MAR – экстерналии (Marshall-Arrow-Romer), проявляющиеся вследствие территориальной концентрации предприятий одной и той же отрасли:

- пул поставщиков предоставляет расширенные возможности закупок промежуточных изделий, а также производственных услуг от множества специализированных поставщиков;

- широкий пул специализированной рабочей силы;

- спилловеры (spillover – растекание) технологий между фирмами отрасли.

2. Якобс – экстерналии (Джекобс, Jane Jacobs), которые проявляются от разнообразия (diversity) возможностей, которыми может воспользоваться фирма в большом городе. Этот тип экстерналий не имеет отраслевой специфики и скорее отвечает не за агломерацию отраслей, а за более широкий и мощный процесс урбанизации – концентрации населения и экономических активностей в городах. Однако, несомненно, существует взаимовлияние между процессами урбанизации и отраслевой агломерации.

3. Экстерналии Портера (Porter externalities) – придается большое значение внутренней конкуренции для успешного развития кластеров,

экстерналии, проистекающие от внутрикластерной конкуренции.

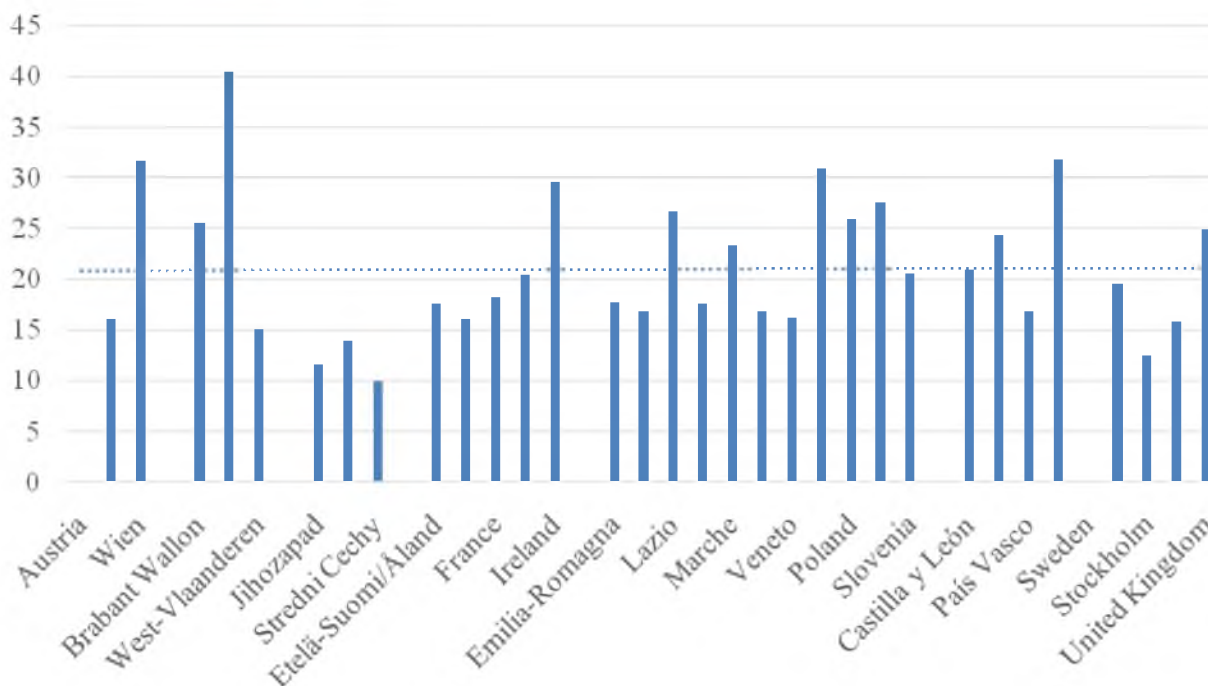
В экономической литературе по региональному развитию ведется дискуссия о том, что большей степени содействует экономическому росту регионов – их специализация в ограниченном числе отраслей или, напротив, диверсификация. С первой гипотезой лучше согласуются экстерналии MAR, со второй – экстерналии Якобс, а также экстерналии Портера. Сам Портер полагает, что правильный ответ на этот вопрос вообще не может быть найден в рамках отраслевого подхода, но может быть найден в рамках кластерного подхода.

Помимо положительных эффектов (экстерналий) кластеризации экономики региона некоторые исследователи [2] выделяют и отрицательные (центробежные) эффекты кластеризации, такие как: увеличение стоимости локальных немобильных факторов производства (уникальных ресурсов региона, определяющих его специализацию); устаревание институтов региона, которые перестают соответствовать современным условиям; увеличение транзакционных издержек, происходящие за счет увеличения числа членов кластера и эффект технологической блокировки, который со временем сдерживает рост инноваций в кластере. В результате наличия двух разнонаправленных типов эффектов кластеризации (положительных и отрицательных) можно определить чистый кластерный эффект от размещения предприятия в определенном регионе.

Результаты исследования и их обсуждение

Рабочая гипотеза нашего исследования заключалась в том, что предполагалось, что более высокий уровень кластерного развития регионов приводит к снижению уровня социальной уязвимости жителей региона, которая может измеряться как доля населения подверженному риску бедности и социальной изоляции. Для доказательства гипотезы мы использовали данные Европейской кластерной обсерватории «Сильные кластеры в инновационных регионах» и данные ежегодного доклада Евростата о социальном развитии регионов ЕС [3, 4].

В число регионов с сильными кластерами эксперты Европейской кластерной обсерватории включили так называемые трехзвездочные кластеры, расположенные в регионах ЕС с самым высоким уровне инновационной активности (рисунок 1) [8].

Источник: составлено автором по данным Eurostat

Рис. 1. Доля населения подверженного риску бедности и социальной изоляции в регионах ЕС с сильными инновационными кластерами

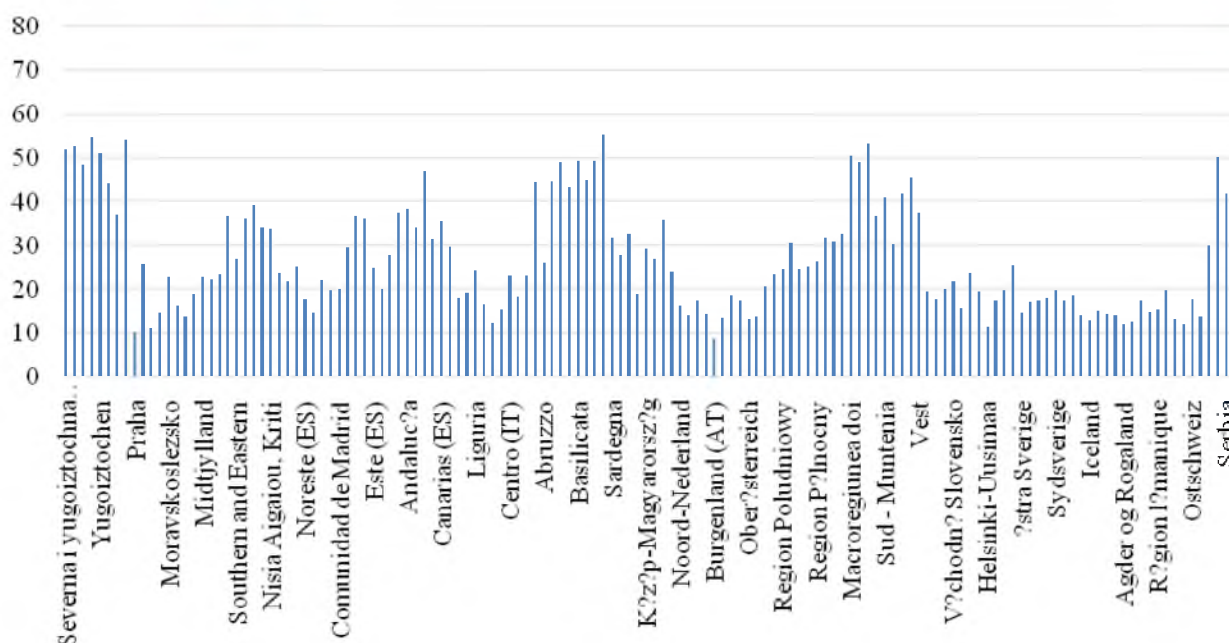
Fig. 1. Proportion of population at risk of poverty and social exclusion in the EU regions with strong innovation clusters

На основе этого расчетного рисунка было выявлено, что доля социально уязвимого населения в регионах, где существует сильные инновационные кластеры, ниже, чем в целом, по ЕС и ниже чем в других регионах ЕС. Среднее значение доли населения, подверженного риску бедности и социальной изоляции в регионах ЕС с сильными инновационными кластерами, составляет 20,94%. Причем, если не учитывать в расчетах столичные регионы, которые в силу своих особенностей всегда характеризуется более высоким уровнем неравенства в доходах, то значение средней величины составляет 19,94%. Расчет того же показателя, в целом по регионам ЕС и по остальным регионам ЕС показывает, что значение уровня социальной уязвимости выше, чем в кластерных регионах (рис. 2) [8].

В целом, по ЕС доля социально уязвимого населения составляет 25,79%. В регионах ЕС на территории которых, нет сильных кластеров доля такого населения еще выше – 27,23%. Причем, следует отметить, что среднеквадратическое отклонение показателя в сильных кластерных территориях значительно ниже (6,95), чем в регионах, не имеющих сильных кластеров (12,85).

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что использование кластерной политики, направленное на создание сильных кластеров, снижает уровень социальной уязвимости населения регионов ЕС и подверженность их различного рода рискам. Сильные кластеры предоставляют больше возможностей для самореализации населения региона, способствуют росту их экономической активности, увеличивают уровень занятости, приводят к росту уровня благосостояния, снижению уровня неравенства в доходах.

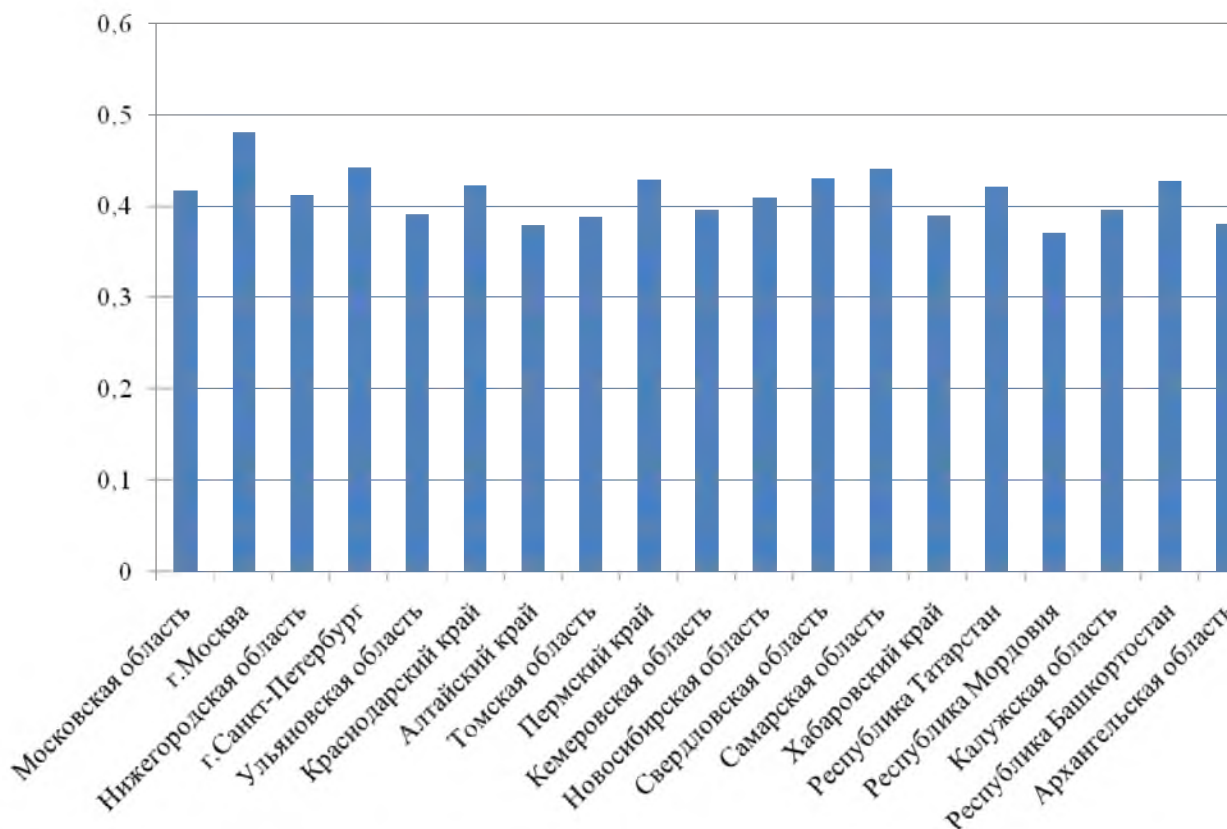
Еще одна рабочая гипотеза исследования заключалась в том, что предполагалось, что развитие инновационных территориальных кластеров (ИТК) в Российской Федерации приведет к снижению уровня социальной уязвимости в регионах с такими кластерами. Для анализа мы использовали данные Российской кластерной обсерватории: доклад «Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации» и данные Росстата о развитии Российских регионов (индекс Джини) [5, 6]. Однако, расчеты не подтвердили рабочую гипотезу и совпали с данными Е.С. Куценко, который доказал, что кластерное развитие в РФ не влияет на уровень экономического благосостояния регионов (рис. 3).

Источник: составлено автором по данным Eurostat

Рис. 2. Доля социально уязвимого населения (подверженного риску бедности и социальной изоляции) в регионах ЕС без сильных кластеров

Fig. 2. Share of socially vulnerable population (at risk of poverty and social exclusion) in the EU regions without a strong cluster

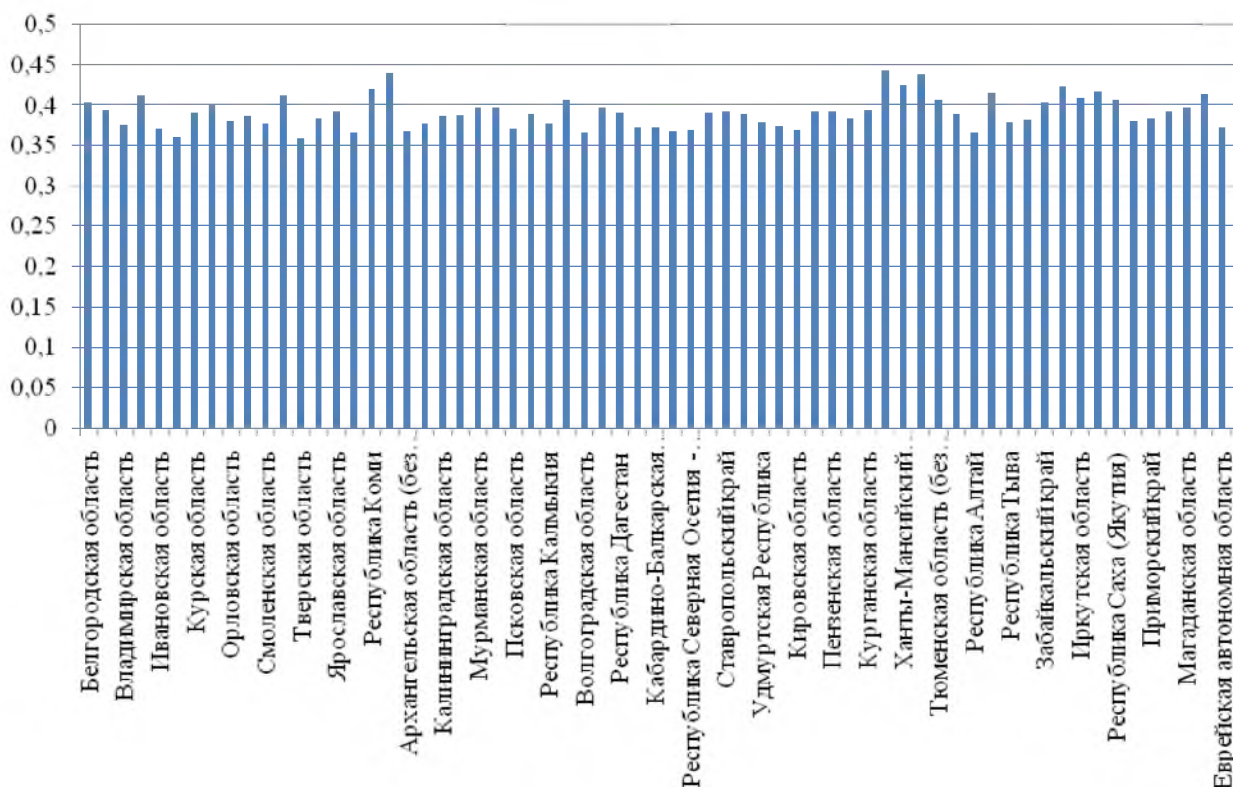
Источник: составлено автором по данным Росстата за 2013 г.

Рис. 3. Индекс Джини для регионов, на территории которых расположены инновационные территориальные кластеры

Fig. 3. Gini Index for regions located on the territory of innovative territorial clusters

Среднее значение индекса Джини для регионов России, на территории которых находятся ИТК, составляет 0,421, а для остальных регионов РФ, на территории которых нет сильных кластеров, составляет 0,392, таким образом (см. рис. 2), кластерное развитие не влияет на уровень неравенства населения региона в распределении доходов. Уровень благополучия населения и неравенство в

распределении доходов определяются в настоящее время не развитием инноваций и кластеров, а факторами неэкономического порядка (географическим положением, обеспеченностью природными ресурсами, культурными особенностями), что типично для стран с транзитивной и развивающейся экономикой.

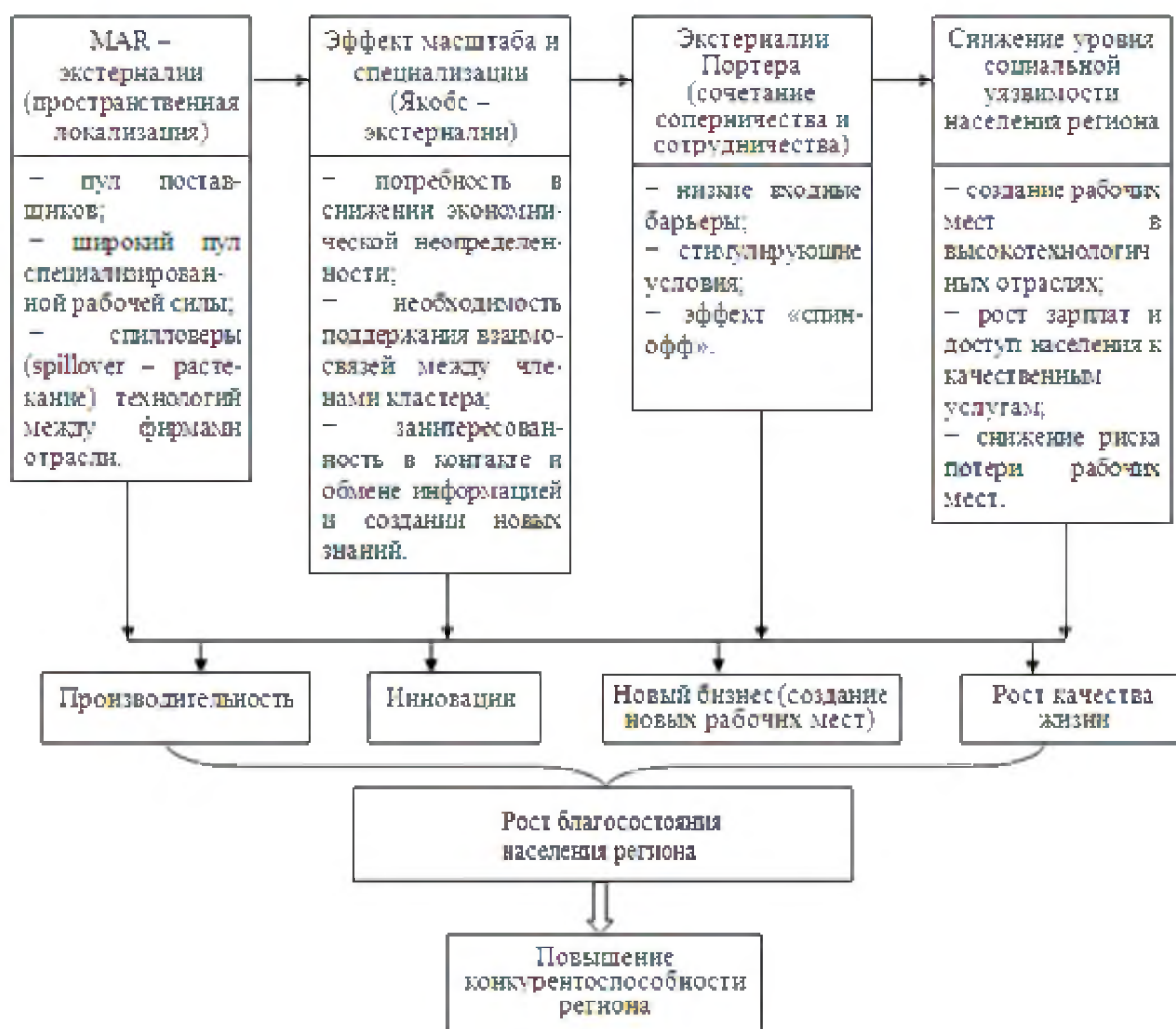

Источник: составлено автором по данным Росстата за 2013 г.

Рис. 4. Индекс Джини для остальных регионов России
Fig. 4. Gini Index for other regions of Russia

Мы дополнили подход Г. Д. Боуш [2] к анализу эффектов кластеризации новым эффектом, выявленным нами – снижением уровня социальной уязвимости населения

региона, связанного с классическими эффектами кластеризации следующим образом (рис. 5).

Источник: составлено и дополнено автором
Рис. 5. Позитивные эффекты кластеризации региона
Fig. 5. The positive effects of clustering in the region

Заключение

В результате рассмотрения влияния кластерного развития на уровень социальной уязвимости населения региона установлено следующее:

1. На основе статистических данных по регионам ЕС выявлен позитивный эффект кластеризации региона, который проявляется в снижении уровня социальной уязвимости населения регионов с сильными кластерами.

2. Уровень благополучия населения и неравенство в распределении доходов в российских регионах определяются в настоящее время не развитием инноваций и кластеров, а факторами неэкономического порядка (географическим положением, обеспеченностью природными ресурсами, культурными

особенностями), что типично для стран с транзитивной и развивающейся экономикой.

3. Активная региональная кластерная политика должна быть направлена на формирование сильных инновационных кластеров.

Список литературы

1. The 2014 Human Development Report – Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience / URL: <http://hdr.undp.org/en/2014-report>. (Дата обращения: 10.08.2016).
2. Боуш, Г. Д. Кластеры в экономике: научная теория, методология исследования, концепция управления: монография / Г. Д. Боуш. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2013. 408 с.

3. European Cluster Memorandum. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vinnova.se/In-English/misc/Speciella_sidor/Innovation-and-Clusters/. (Дата обращения: 16.08.2013).

4. Eurostat. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/index.php/GDP_per_capita_consumption_per_capita_and_price_level_indices. (Дата обращения: 16.03.2015).

5. Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации / под ред. Л.М. Гохберга, А.Е. Шадрин. – Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013. 108 с.

6. Российский статистический ежегодник 2011, 2012, 2013 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gks.ru/>. (Дата обращения: 05.07.2014).

7. Стрябкова, Е. А. Особенности кластера как формы территориальной организации производства // Фундаментальные исследования. 2015. №2 (часть 19). С. 4266-4270

8. Стрябкова, Е. А. Повышение конкурентоспособности региона на основе кластерной политики: теория и методология: Дис. ...д-ра эконом. наук. Белгород, 2016. 263 с.

9. Стрябкова, Е. А. Повышение конкурентоспособности региона на основе кластерной политики: теория и методология: Автореф. дис. ...д-ра эконом. наук. Белгород, 2016. 39 с.

References

1. The 2014 Human Development Report – Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience / URL: <http://hdr.undp.org/en/2014-report>. (date of access: August 10, 2016).

2. Boush, G. D. Clusters in the economy: scientific theory, research methodology, concept of management:

monograph / G. D. Boush. Omsk: Publishing house OmSU. 2013. 408 p.

3. European Cluster Memorandum. [Electronic resource] Mode of access: http://www.vinnova.se/In-English/misc/Speciella_sidor/Innovation-and-Clusters/. (date of access: August 16, 2013).

4. Eurostat. [Электронный ресурс]. – [Electronic resource] Mode of access: http://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/index.php/GDP_per_capita_consumption_per_capita_and_price_level_indices. (date of access: March 16, 2015).

5. Pilot innovative territorial clusters in the Russian Federation / under the editorship of L. M. Gokhberg, A. E. Shadrin. Moscow: National Research University "Higher School of Economics", 2013. 108 p.

6. Statistical Yearbook 2011, 2012, 2013 [Electronic resource] Mode of access: <http://www.gks.ru/>. (date of access: July 5, 2014).

7. Stryabkova, E. A. the Features of the cluster as a form of territorial organization of production // Fundamental research. 2015. № 2 (part 19). Pp. 4266-4270.

8. Stryabkova E. A. the Increasing competitiveness of the region based on the cluster policy: theory and method: Dissertation of doctor of economic sciences. Belgorod, 2016. 263 p.

9. Stryabkova E. A. the Increasing competitiveness of the region based on the cluster policy: theory and methodology: Abstract of the thesis of doctor of economic Sciences. Belgorod, 2016. 39 p.

Стрябкова Елена Анатольевна, доцент, кандидат экономических наук, доцент

Elena A. Stryabkova, PhD in Economics, Associate Professor